

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. В. КОЛШАНСКИЙ

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

К числу необходимых признаков предложения в языковедческой литературе всегда относят модальность. Эта категория интерпретируется обычно как отношение содержания высказывания к действительности, выражаемое грамматическими, интонационными и лексическими средствами¹. В зависимости от характера этого содержания модальность подробно классифицируется по различным значениям (возможность, предположение, уверенность, сомнение и т. д.). Но несмотря на известную простоту определения категории модальности и его уже почти традиционное постоянство², оно содержит в себе ряд важных моментов, требующих дальнейшего выяснения всего вопроса.

Прежде всего необходимо дать истолкование положению об отношении речи к действительности. Совершенно очевидно, что здесь не имеется в виду отношение формы высказывания к действительности, так как такое прямое соотнесение вряд ли входит в лингвистический анализ и не имеет никакой познавательной ценности. Это соотнесение явно предполагает установление связи между содержанием высказывания и объективными фактами.

В содержании высказывания входит мысль о некоторых объектах, отражаемая сознанием человека и получающая свое воплощение в мыслительной категории суждения. Последнее материально реализуется и существует только в языковой форме — предложении.

В каком же отношении может стоять определенное содержание высказывания к явлениям действительности? Такое отношение в гносеологическом плане может быть только отношением правильности или неправильности отражения объективной действительности. Другими словами, мы имеем здесь дело с истинностью или ложностью суждения, содержащегося в высказывании при его соотнесении с действительностью. Установление факта истинности или ложности высказывания, однако, не является лингвистической проблемой по своему существу, и, кроме того, язык не создает никаких материальных признаков для характеристики истинности высказывания по содержанию. Значит, модальный признак предложения не может в принципе квалифицировать высказывание каким-либо образом при соотнесении его с действительностью в плане отражения. В предложении *Киев — столица Украины* содержание раскрывается по универсальному признаку (отношение к действительности) как истинное, причем на основании критериев, лежащих — в конечном итоге — в плоскости практики. Модальный признак как языковой фактор при

¹ См., например, «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 81.

² См. варианты такого определения в кн.: «Современный русский язык. Синтаксис», Изд-во МГУ, 1957 [обл. 1958], стр. 40; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шапский, Современный русский язык. Синтаксис, М., 1958, стр. 7.

таким его пониманием теряет основу для своего существования. Подобный подход к модальности предложения действителен не только для случаев, где высказывание делается относительно существования чего-либо, но и для случаев, где высказывание касается степени действительности какого-либо явления — его возможности, необходимости. Например, высказывание о том, что завтра может быть дождь, имеет своим предметом возможность наступления определенного события. С точки зрения достоверности этого сообщения высказывание будет истинным или ложным в зависимости от того, соответствует ли эта возможность объективным условиям или нет. Степень достоверности этого сообщения определяется объективной вероятностью и не обуславливается субъективной ее оценкой говорящим³.

В плане отношения к действительности подобное высказывание характеризуется опять-таки истинностью или ложностью⁴. Говорящий не приписывает в содержании высказывания ничего, что не могло бы быть данным в действительности, а степень объективной достоверности высказывания зависит от степени познания данного явления лицом, производящим высказывание. В этом смысле степень истинности любого сообщения обуславливается тем, насколько полно вскрыта закономерность явления говорящим лицом. Любая высказанная мысль содержит момент отражения, истинность же высказывания каждый раз реализуется субъектом в зависимости от степени его осведомленности (в широком смысле слова). Такая субъективность, однако, относится к гносеологическому содержанию высказывания и не оформляется как особый языковой признак предложения. К языковой форме здесь относится вообще все построение предложения, поскольку оно реализует мысль. Не отдельные части или признаки предложения (например, отдельные слова, отдельные связи слов), а вся ткань предложения — его грамматический строй и лексический состав как единое целое — несут в себе мысль, противоположную самой объективности как конкретное субъективное отражение какой-либо стороны действительности.

Здесь неправомерно говорить о том, что предикативность выражает соотношенность содержания высказывания с объективной действительностью⁵. Предикативность не выступает в предложении в виде имманентной формы, она представляет собой только способ реализации высказывания. Модальность вообще не может сосредоточиваться в какой-либо части предложения, ибо по общему характеру своего содержания эта категория реализуется лишь в целом высказывании. Предикативная же связь является условием существования самого высказывания и не может рассматриваться в качестве специфической формы выражения какой-либо отдельной стороны всего содержания высказывания.

*

Еще менее правомерно, на наш взгляд, характеризовать модальность в плане отношения говорящего к содержанию своего высказывания⁶. Такой аспект анализа предложения сразу заставляет предположить, что любое высказывание должно строиться как бы в два этажа, где в качестве одного этажа выступает некоторая мысль о чем-то, а в качестве второго — мысль об этой мысли, или, другими словами, ее модальная оценка. Согласно этой точке зрения, предложение *Петр вряд ли сегодня пойдет в школу* может быть условно разложено на следующие составные

³ См. В. Ф. Асмус, *Логика* [М.], 1947, стр. 88.

⁴ Модальный характер высказывания исследуется поэтому и в современной символической логике (а именно — в модальной логике) под углом зрения нахождения условий квалификации модальных суждений как истинных или ложных (ср. А. Н. Prior, *Time and modality*, Oxford, 1957).

⁵ Е. В. Кротович, *О связях слов в словосочетании и в предложении*. «Р. яз. в шк.», 1958, № 6, стр. 22.

⁶ См. О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 363.

части: мысль о том, что Петр пойдет сегодня в школу, и мысль о том, что, по мнению говорящего, этого может и не произойти. Мысль с модальным значением сомнения как выражение позиции говорящего и есть то модальное содержание, которое характеризует указанное выше предложение. Но уже из этого простого анализа видно, что подобное расслоение не может адекватно передавать высказанную в предложении мысль, а, наоборот, искажает ее.

В самом деле, говорящий в своем диктуме никоим образом не высказывался сначала о том, что Петр пойдет в школу, а потом подвергал это сомнению. Высказывание было построено сразу как монолитная мысль о сомнительности наступления некоторого события. Говорящий, конечно, мог построить свое высказывание и расчлененно, по этапам, но в этом случае высказывание имело бы совершенно другую структуру, а именно: *Маловероятно, что Петр сегодня вряд ли пойдет в школу, или: Я сомневаюсь в том, что Петр сегодня вряд ли пойдет в школу.* Здесь нельзя построить варианта вроде: *Я сомневаюсь, что Петр пойдет сегодня в школу,* ибо в этом последнем случае получается высказывание, в общем синонимичное исходному, т. е. единому высказыванию о некотором событии.

При модальной оценке этого предложения сама фраза *Я сомневаюсь, что Петр сегодня пойдет в школу* подвергается сомнению. Неудивительно поэтому, что в современной литературе лингвистическая интерпретация модальности согласуется с общелогической.

В одном высказывании нет никакой дополнительной, модальной мысли, в силу чего и нельзя согласиться с определением модальности как некоей коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом⁷. Необходимо подчеркнуть, что в выраженной в форме предложения мысли содержание его не может расслаиваться на выражение, с одной стороны, мысли о предмете, а с другой — мысли об отношении говорящего к своему сообщению о фактах действительности.

Если говорить о модальности как об отношении говорящего к своему высказыванию о фактах действительности, то это значит, что мы говорим о несуществующей категории. Если же понимать под модальностью высказывание говорящего о своем отношении к сообщению о каком-либо предмете, сделанному в другом предложении, то это обстоятельство не будет иметь никакого отношения к модальности предложения как такового. Для лингвистики указанный факт выводит понятие модальности из сферы структуры предложения. Если же определять модальность как отношение содержания, высказываемого в предложении, к действительности, то вся проблема поворачивается в сторону гносеологии и логики (истинность или ложность высказывания о существующих, вероятных и необходимых явлениях действительности) и для какой-либо особой лингвистической модальности места нет. Рассмотрим все это на конкретных примерах.

Возьмем простейшие типичные предложения: (1) *Сейчас идет дождь;* 2) *Завтра может быть дождь;* 3) *Не было бы дождя!*; 4) *К счастью, вчера не было дождя.* В первом предложении высказывается обычное асерторическое суждение о факте природы. Отношение высказывания к действительности здесь одно — высказывание об этой действительности; определение же истинности высказывания не входит в предмет языкознания. Ко второму (проблематическому) высказыванию также полностью приложима эта характеристика. В третьем предложении высказывается мысль о нежелательности дождя, т. е. не о самом дожде, а о психологической оценке наступления или ненаступления определенного явления природы. Здесь нет мысли о дожде как таковом и о нежелательности дождя как оценки этого явления. В данном предложении (с по-

⁷ См. Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955, стр. 44.

мощью грамматических средств — сослагательного наклонения) высказана цельная мысль о том, что дождь нежелателен. Другими словами, действительностью, о которой высказывается здесь говорящий, является не внешняя природа, а действительность некоторого психологического акта самого субъекта. При этом высказывание о «пежелании» дождя является обычным объектом мысли для субъекта. Для содержания мышления внутренние, «субъективные» объекты играют такую же роль предмета высказывания, как и объективно существующие явления, ибо сам субъект как часть реального мира также является закономерным объектом познания. В четвертом предложении во второй части констатируется определенный факт, а в первой части дается характеристика факта, выраженного в предложении (*вчера не было дождя*) с точки зрения оценки его субъектом, делающим высказывание.

В двух частях этой группы выражены две разных мысли, а не «отдельные единицы сообщения» в структуре одного предложения⁸: суждение о чем-то и суждение-оценка предмета этого первого суждения. Совершенно естественно поэтому, что данные две мысли и существуют в форме двух самостоятельных синтаксических единиц — предложений, объединенных способом «включения» в одно по существу сложное предложение⁹. Вводные слова и группы слов, образующие эллиптические предложения, а также полные вводные предложения несут в себе относительно самостоятельную мысль, непосредственно связанную с предметом суждения, выраженного другим предложением. Эта прямая зависимость предметов мысли вызвала к жизни употребление вводных слов и предложений вместе с основным предложением¹⁰.

Такой своеобразный языковой симбиоз форм является лишь выражением их содержательной взаимосвязанности и в принципе еще раз подтверждает раздельность существования любых относительно самостоятельных (и всегда модальных) высказываний. Следовательно, в каждом отдельном предложении всегда воплощается одна определенная мысль, имеющая своим конкретным содержанием некоторое явление объективной действительности.

По своей природе модальное содержание предложения есть мысль как отражение действительности, взятая со стороны «модуса» существования действительного явления (возможность, действительность, необходимость). Это содержание реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения. В этом смысле модальность предложения остается общей семантической категорией. Однако констатация одного этого обстоятельства не раскрывает еще всей полноты лингвистического факта, ибо способ выражения содержания мысли не безразличен для самой мысли. В этом плане примечательной стороной является прежде всего большая разнородность средств выражения модального содержания.

Модальное содержание в индоевропейских языках (в русском, английском, немецком и т. д.) выражается грамматическими (морфологическими), лексическими (так называемыми модальными словами, модальными глаголами) и интонационными средствами. В тех случаях, когда вводные слова и предложения образуют самостоятельную синтаксическую единицу, включаемую в сферу сложного предложения (в условном значении этого слова), а интонационные средства взаимодействуют с лексико-грамматической структурой предложения и не функционируют в чистом виде, в пределах материальных частей самого предложения остаются морфологические глаголы и модальные слова. Эти средства включаются в ткань

⁸ См. Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958, стр. 123.

⁹ См. Е. Кротевич, указ. соч., стр. 25.

¹⁰ См. А. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд., М., 1956, стр. 410.

предложения, а содержащееся в них модальное значение они отдают всему высказыванию как «строительные элементы» предметно-значимого состава предложения. Модальность предложения оказывается также признаком всего содержания высказывания, его семантическим, а не структурным признаком. В морфоформах глагола многих языков сосредоточены определенные значения (ср. в немецком, например, конъюнктив претеритальных и презентных времен); они реализуются конкретно в каждом предложении, содержанием которого является какой-либо из модусов существования вещей и явлений (например, вероятность). Грамматические средства стоят здесь на службе всей семантики предложения. Модальные же слова также выполняют свою прямую лексическую функцию, передавая своим содержанием требуемый по условиям коммуникации тот или иной модальный смысл (например, возможность, необходимость и т. д.).

Характерно, что в определении модальных значений часто наблюдается большая пестрота классификации (возможность, вероятность, уверенность, сомнение, предположение и т. д.). Такая семантическая дробность есть следствие, с одной стороны, несоблюдения простых логических правил деления, а с другой — значительной степени лексического характера выражения модальных значений. Семантическая же классификация слов всегда весьма дифференцирована внутри каждого класса, ибо потенциально число самих значений весьма велико.

Для лингвистики представляет безусловный интерес изучение модальной семантики глагольных морфоформ и слов в их детальном расчленении. Следует, однако, добавить, что правомерность и целесообразность изучения способов выражения модальных значений в конкретных языках может быть обоснована только при одном условии — при условии строгого определения модальных значений. Если логика удовлетворяется только тремя видами модальности (возможность, действительность, необходимость), то лингвистика обязана выделить на основании изучения семантики языковых форм отграниченные внутри себя различные степени этих категорий, правильно распределив их в пределах общих понятий (например, степени вероятности — от всех видов сомнения до абсолютной уверенности и т. д.). В целом же лингвистическая проблема модальности в гносеологическом плане может решаться при помощи ее общей семантической и логической интерпретации и должна рассматриваться как проблема выражения определенного значения в конкретных и разнообразных языковых формах данного языка.